

Ворох А.С., Оболкина С.В.

ПОМИНКИ ПО МОДЕРНУ ОТМЕНЯЮТСЯ?РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ МОДЕРНА»
В.С. МАРТЬЯНОВА (К.ПОЛИТ.Н., УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИНСТИТУТА
ФИЛОСОФИИ И ПРАВА УРО РАН)***Ворох А.С.**кандидат физико-математических наук, научный
сотрудник ИХТТ УрО РАН**Оболкина С.В.**кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии ИФП УрО РАН

Книга В.С. Мартьянова «Политический проект Модерна» могла бы стать одним из множества академических мнений о сущности политики, о судьбах России, и в конечном счете об оккупировавшей нас пост-Современности. Однако, по умыслу автора, а скорее даже без оно, книга оказалась искомым автором «нечто, которое не всегда есть то, что оно есть». Превосхождением обыденной логики и отвлеченно-абстрактного научного стиля книга – при достаточном внимании читателя – может дать тот эффект авангарда, к которому автор стремился на словах, а достиг на деле. По прочтении читатель может внезапно ощутить вкус постполитики не столько через убеждение логикой текста, сколько через пробуждение ходов сознания, через вызывание призраков мысли, роящихся в мозгу обывателя. Бессмысленно угадывать, задавался автор такой целью или нет, ведь судить должно по плодам, а не по намерениям.

Исходно автор подводит читателя к ментальной чаше современной политологии, причем не требует от ведомого обязательной

опоры на понятийный аппарат философской науки, обходит и дебри политтерминологии. С одной стороны, минимизация отсылок и жаргона делают текст доступным для дилетанта, но с другой – нетореные тропы требуют предельных усилий по продвижению вглубь авторской мысли.

Шаг за шагом автор разоблачает «Изиду» современной политики, предавшую революционность Модерна и отступившую от его правил. Вспомним, что когда Хабермас заметил: «Революция стала традицией», возникла проблема: как теперь возможна революция? Как проводник не объясняет путь, но ставит метки на коре деревьев, так автор поднимает из молчания подобные вопросы, и они обступают читателя. Критика автора одинаково жестка и к затхлому болоту «консервативной модернизации», и к сияющим вершинам «постиндустриальных инноваций». Как выйти из ситуации постмодерна, из «дурной стороны вещей?» – вот основной вопрос. Основной ответ – только если дать Модерну шанс быть самим собой. А для этого надо привести читателя к мысли об «утопии», к «месту-которого-нет». Но путь преграждают идолы «нео-империи» и «гражданского общества», которые автор безжалостно сокрушает, утешая читателя

*Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. От микроэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М.: РОССПЭН. 2010. – 360 с.

скорой «новой Вавилонской башней». Кроме того, читатель лишен помощи в виде иллюстративных примеров, и в результате для него комментариями к тексту становятся новостные ленты, формирующие гиперреализм повседневности. Митинг на Манежной и коррупционные скандалы, переименования госорганов и интернетизация чиновничества – всё это лишается того наносного судьбоносного пафоса, ради которого стараются ньюсмейкеры. Новости оказываются симуляцией «События» и, создавая эффект «вечного ремонта» лишь поддерживают статус-кво «жидкого Модерна».

Автор прежде всего подводит к проблеме о возможности *вопросов* в ситуации тотальной победы Демократии, Капитализма и Здравого Смысла. В ситуации, когда тривиальные ответы предвосхищают вопрошания. Когда любой политический режим уподобляется муке, и демократические структуры государства оказываются или высшего сорта, или же всего лишь первого. Требование к политикам быть понятным большинству привело к бесконечному поиску абсолютного консенсуса и здравого смысла. Воплощение чаяний Модерна создало мир «реальной утопии». Постмодерн оказался поп-модерном, когда все достижения Модерна овеществлены в массах и воспринимаются ими как должное. Ожидания от действий науки/техники/политики должны быть осуществлены не через пятилетку, а «здесь-и-сейчас». Из-за чего все политики вынуждены интенсифицировать свою риторику и поддерживать тонус в медиапространстве, заявляя о завтрашних достижениях прежде, чем о них успели забыть.

Чтобы подобраться к утопии как основанию политического проекта, автор подводит в качестве фундамента важную мысль: власть как «законное насилие» требует трансцендентного обоснования. Именно это условие необходимо для легитимности власти. Формально это выглядит как «добровольное разделение большинством граждан идей, которые лежат в основании законов», но фактически это обоснование власти из того состояния,

где власть не властна. «Легитимность есть избыток», – формулирует автор. В общем смысле трансценденция – это Бог, который бог-ат, и от преизбытка себя отдаёт-ся миру, и, соответственно, в традиционном обществе именно из этого трансцендентного источника религия черпала основу для политики. Общество Модерна формировалось в ситуации преизбытка *мысли*, мысли-мечты, мысли-утопии. Это уже мечта человека и о Человеке. Возрождается античная парадигма политики, когда общественный порядок мыслится осуществлением эвдемонии на земле. Правда, в случае проекта Модерна, стремление к блаженству идет не через эллинское уподобление Божественному совершенству, но через общее согласие на участие в проекте, в общем стремлении к утопии – будь то правовое общество или коммунизм. В любом случае утверждается репрезентативная сущность политики, а власть обретается из согласия, и не имеет отношения к харизме. Проект Модерна и есть такая форма утопии-эвдемонии.

Но когда утопия становится общеобязательной верой и, казалось бы, вот еще несколько реформ и она завершена, Модерн как «трансценденция» претерпевает моральный коллапс. Однако эта искусственная «трансценденция» уже поневоле должна оставаться основой политики. В. С. Мартыанов предлагает ввести новых претендентов на «святое место», призывает к формированию нового модернизационного проекта, требует прорыва из осуществленной «утопии» либерализма к утопии новой. Нужен заряд очередной «утопии, взрывающей настоящее». «Нужно что-то, что сакрализует политические институты, заставляет в них верить по-настоящему» (с. 233). Но правители требуют продолжения банкета только для себя, поэтому философ утверждает: шоу должно продолжаться для всех!

В 90-х годах П. Бурдьё, выйдя из академического сумрака, обнаруживает агору политики занятой медиакратами и популистами. И тогда отец социологии поднимает вопрос о необхо-

димости интеллектуалам отстаивать свое место на агоре, снова требовать внимания и «пытаться возродить утопию». Подобную цель преследует и данная книга, но она говорит не столько о новой утопии, сколько о её *потребности*. Однако возникает вопрос: а кому современная философско-политическая мысль это говорит? К кому относит призыв «возродить утопию»? Гражданам, которые толпами покинули агору, или своим собеседникам из тех, кто явно должны быть по другую сторону от всяких «толп»? Это не праздный вопрос, если всмотреться в современность и прошлое политики.

Так, в начале 2011 года известный экономист и научный руководитель ГУ-ВШЭ Е. Г. Ясин пригласил на дискуссию Г. О. Павловского – отца российской политтехнологии. Речь практика была встречена сначала настороженно, а после и вовсе огульно освистана и осуждена как ненаучная риторика апологии недемократии, ведь «всем давно известно», что есть демократия, и что законы её истинны и едины. Это событие служит яркой иллюстрацией того, что современная политика вновь вернулась к классическому спору платоников и софистов. Речь идет о софистической риторике I–III вв., ярким примером которой являются «Платоновские речи» Элия Аристиды, в которых Аристид предлагает антиплатоновскую версию мифа («Протагор») в отношении природы политического сознания и этики. Как видим, спор этот не решен и сегодня.

Вспомним, что у Платона Гермес послан нести людям «стыд и справедливость» (как обычай, политическую норму поведения) и тот делит *tekhne politike* между всеми людьми в равной мере. Тогда как спустя века софист Аристид вводит небольшие смещения смысла: Гермес дарит людям уже не дары нравственности, но *ораторское искусство*. Риторика и есть политика и мораль, пишет Аристид в «Протагоре». Божественный дар, лежащий в основе политики это уже не платоновский «эйдос» в виде мудрости и нравственности, но «логос» – слово, которое существует толь-

ко в речи, в риторике. Речь сплачивает людей и хранит порядок в городах, говорит Аристид. И, более того, Гермес раздает ораторское искусство не всем, «но, выбрав лучших, благороднейших, самых крепких от природы, следует вручить им этот дар для того, чтобы они стали спасением не только для себя, но и для других» (397 слово).

Ох, не лукавит ли софистика, находя божественное основание политику-ритору? «Могучий лжёт всегда!» – рвется ответить поспешная мысль, следуя Ницше. Но следует уберечь мысль от её «естественного» хода. Политик-ритор может иметь дело с ложью в онтологическом смысле, но он вовсе не хочет оказаться тривиальным обманщиком. Не стоит подозревать софиста или политтехнолога в тривиальном цинизме. Для обмана был бы не нужен тот же Гермес, даже с даром *богоугодного вдохновения речи* – а именно этот дар вводит софист Филострат, спасая «божественные основания политики». Он говорит, что политик может говорить «по божественному наитию», отдавшись импровизации, тогда в его речи звучат «звуки благородства». Мы и слышим: да, подобные звуки звучат часто. И это означает, что хотя бы в личном пространстве сознания политика концепт «богоугодного вдохновения речи» не умирал.

Современное отображение платоновской концепции политики – это постулирование идеалов демократии как онтологически объективных, истинных, незыблемых. Это знание платоновского идеала (по сути тоталитарного) глубоко забыло о том, что эйдосы-идеалы Платона для него самого рождены «нашептыванием дэймона». Что и выступает своего рода гарантом своеобразной наивности политики и честности политика.

Три столетия назад просветители – идеологи Модерна – могли быть по-платоновски наивными, принимая проекты Разума за истину политики-морали-этики, сошедшую из божественного мира идей. «Дэймон» ушел, а «нашептывание» осталось. Аристидовское

Mündigkeit – взросление политики дает о себе знать только со второй половины XIX века, когда заговорили о том, что риторика Просвещения только покрывала интересы буржуа. Узнав об этом, граждане стали уходить толпами с «агоры» Модерна. Но и та, и другая тенденции постепенно слились в сложный комплекс сюжетов: никто даже не предпринимает попыток остановить воплощение утопии, но граждан на агоре почти не осталось. А утопия как наивная и искренняя вера уже нужна не столько «толпе», сколько «знающим» – она спасает в политике-риторе философа и просто честного человека. В этом и казус Павловского, убедившего в важности политтехнологии и интенсивной политики прежде всего себя и Кремль, но с каждым разом с ужасом встречающего в ответ «молчание масс». Толпе нет интереса, что за «трансценденция» заняла «свято место», ведь постпросвещенные массы уведомят о прагматизме всех романтиков от политики. В мире, где политики своими словами и действиями убеждают только себя, люди толпы уже хоть немного, но «аристиды».

Наверное, поэтому автор обращается к власти как к единственному актору модернизации. Все остальные акторы и реципиенты исчезли. В идеале книгу прочитываем мы – как люди толпы. Однако знание, даруемое книгой, делает нас «знающими», и мы оказываемся уже вне толпы. Получается, что это книга для «своих», для «знающих» политиков; это для них звучит призыв создать новую утопию. Утопия нужна не толпе, но власти, которая и должна поверить в собственную мечту-утопию.

Как возможно поверить в такую мечту, автор не дает ответа. Но выход предлагает не текст, но сам читатель, подвергнутый обработке текстом. Требуя классического метода чтения «от корки до корки», книга совершает с читателем определенную трансформацию. После строгой философской критики постполитики, после разгрома потенциальных претендентов на новый проект, автор внезапно начинает воспроизводить риторику

опороченных им подходов, подключая как апокалиптический вариант «всё плохо», так и прогрессистский «не всё потеряно». Резкая смена стиля вызывает в читателе те чувства, которые прежде автор препарировал на глазах самого читателя и описывал как медийные страшилки, созданные для дления и тления Модерна. После предупреждения о дурных разводках бинарными оппозициями автор сам предлагает читателю ряд антитез. Очевидно, если читатель последует за мыслью автора, то он не усвоил предыдущей критической части и является потенциальной жертвой политической манипуляции. Наконец, автор берет под уздцы и саму критическую риторику. Он вводит её в чтение в качестве троянского коня, создавая ситуацию дежавю, когда текст нельзя ни прочесть, ни пропустить, ибо текст постоянно порождает мельчайшие нюансы как смысловые девиации. Что требует ежестрочного внимания читателя. Погруженный в состояние перманентной критики, читатель невольно проникается техникой «мантр» – будь они о модернизации-инновации или о гражданском обществе или, как демонстрирует автор, о фундаментальной критике. Иначе говоря, в рамках одной книги автор демонстрирует: если власть примет критицизм как стиль, то риторика повторения требует сохранения статус-кво. И тем самым, вновь убеждаемся, что довлеет не содержание и логика, но риторическая форма и её действие на читателя!

Финальным аккордом автор предлагает для России утопический проект транснациональной Империи, который мы созерцали на протяжении «нулевых» годов – а именно спонсирования национальных элит при безмолвии русского народа. Через концептуальное оформление «империи нулевых» автор явно указывает читателю о невозможности торжества платонической Идеи. Важным же оказывается не цель пути – ведь это Место-которого-нет, а само чтение как движение, наполняющее Время.